

Вы
МОИ

РИНА БЕЖ

Рина Беж

Вы мои!

<https://litres.ru/74206918>

Аннотация

– Ты беременна. – Да, врач мне только что об этом сообщил.
– То есть... сама не знала? – Нет. – И что делать собираешься?
Смотрю в упор и не моргаю. – В перспективе – рожать, а на данном этапе отстреливать всех желающих предложить мне аборт. – Отстреливать, значит? – двигает челюстью, явно вспоминая наше знакомство в тире и мои девять из десяти попаданий «в яблочко».
– Да, – киваю серьезно. – Уверена, не промахнусь. Хмыкает. – Пожалуй, я тоже уверен.

✓# ОДНОТОМНИК. Но оба героя часто встречаются в "Больше, чем сделка" Предыстрия

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	60
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Пролог

Аннотация:

– Ты беременна.

Платонов нависает надо мной. Голубые глаза в щелки сужены. Бицепсы, трицепсы и другие стальные выпуклости напряжены. Не мужик, а бронепоезд без тормозов. Того гляди раздавит.

Недавно оклемалась, до сих пор чувствую себя ужасно, а его мощная аура не только не помогает, а бетонной плитой в больничную койку вжимает.

– Да, врач мне только что об этом сообщил, – сиплю охрипшим горлом.

– То есть... ты не знала?

– Нет.

– И что делать собираешься?

Смотрю в упор и не моргаю.

– В перспективе – рожать, а на данном этапе отстреливать всех желающих предложить мне аборт.

– Отстреливать, значит? – двигает челюстью, явно вспоминая наше знакомство в тире и мои девять из десяти попаданий «в яблочко».

– Да, – киваю серьезно. – Уверена, не промахнусь.

Хмыкает.

– Пожалуй, я тоже уверен.

**Дорогие мои! Добро пожаловать в мою новинку
##
 Герои не новые, с ними мы много раз встречались в романе "Больше, чем сделка"**

(Если пропустили - есть возможность прочитать, книга недавно завершена).

<https://litnet.com/shrt/tqmN>

Будет: напряженно и волнительно, ХЭ обязателен!

ПРОЛОГ

Плен – это ограничение свободы.

Плен – это угнетение.

Плен – это стресс и постоянная внутренняя борьба с самой собой.

Плен – это зыбучий песок, засасывающий и ломающий.

Плен – это перерождение.

Плен – это время, которое тянется резиной, но позволяет заглянуть внутрь себя и изменить угол зрения на многие привычные вещи, но, главное, на людей, находящихся поблизости. Кого-то отдалив и обесценив, а кого-то втянув в ближний круг.

Я пробыла в неволе пять дней.

Пять самых длинных, почти бесконечных, в моей жизни дней.

Пять самых страшных суток, за которые успела многое пе-

редумать и многое испытать, включая телесную боль.

Раньше меня никогда не били и не связывали. Теперь же в моей копилке истязаний имеются и содранные веревками до мяса запястья, за которые похитители подвешивали на крюк, и исполосованная ремнем спина, ощущаемая одной сплошной гематомой, пульсирующей красными вспышками бесконечной боли. Так, будто там, сзади, нет ни одного сантиметра здорового тела. Только рана. Одна сплошная полыхающая огнем рана.

А еще слабость от обезвоживания и голода, и, как вишенка на торте, жуткая простуда, вгоняющая в беспамятство и не отпускающая, сколько не пытаюсь ее побороть.

За пять дней я десятки раз мысленно попросила прощения и простилась с обожаемой бабулей – единственным родным человеком на всем белом свете. Поплакала над неудавшейся судьбой, ведь мне так и не довелось стать для кого-то любимой и единственной; не посчастливилось создать семью и родить детишек. И ни единожды заверила свою подругу по несчастью – Ирину Митину – что нисколько не виню ее в собственном похищении.

Да, я изначально была в курсе, что являюсь не целью бандитов, а всего лишь попутным грузом.

Нелепое стечение обстоятельств – оказалась не в том месте не в то время. И а-ух!

Меня схватили за компанию с Ириной, бывшей коллегой, с которой мы вместе работали в юридической конторе.

Именно она являлась заказом арабского шейха, сошедшего с ума от славянской красавицы и умницы.

А я – той, чьи мучения должны были сломить сопротивление Митиной, вынудить ее согласиться покинуть родину и без вести пропасть на бескрайних пустынных просторах одной из восточных стран.

Я никогда не была белой и пушистой. Адвокатам такое не под силу. Знание законов нам нужно не только чтобы понимать, как их не нарушать, и вкладывать эти знания в головы других, но особенно, как уметь лавировать, их огибая, и попутно вытаскивать за уши клиентов, на чьи шеи нацелен разящий меч Фемиды.

Я никогда не страдала всепрощением. Подставлять правую щеку, если тебя ударили по левой... этот бред точно мной не культивировался. Единственное, на что я могла согласиться, это подставить правую щеку для отвода глаз, и пока обидчик бы замахивался, смачно зарядить ему промеж ног, чтобы искры из глаз полетели.

С Митиной ситуация была пограничной. Я могла как обвинить ее во всех смертных грехах, так и простить.

Уверена, она стойко ждала худшего: моей ненависти, моих криков и обвинений, что не предупредила об опасности, что потащила за собой хвостом в ад, что заставила испытывать боль и муки... и, говоря честно, я вполне могла такое выдать...

Как бы мы не любили других, себя любим больше...

Но все познается в моменте.

Те секунды моего истязания, когда мы смотрели с ней друг другу в глаза, практически ничего не замечая из-за слез, растянулись не просто в минуты, часы, они стали вечностью. Нашей с ней вечностью на двоих. Когда вред причиняли мне, нанося один за другим удары по незащитной спине, а боль разделялась нами с подругой на двоих. И тишину здания рвал крик не только мой, но и Ирины. И неизвестно, чей звучал громче и пронзительней.

Боль может как разъединять, так и спаивать крепче любых уз. Теперь я знаю это точно.

Раньше у меня была лишь бабушка, теперь же в ближнем круге появилась названная сестра. Та, которая в горящую избу войдет, коня на скаку остановит и собственному горячо любимому брату голову от туловища отвинтит, если он вздумает меня обидеть.

А он вздумает. Специально или нет – другой вопрос.

Просто жизнь в очередной раз сыграет в свою собственную игру, где все мы будем обычными пешками.

Но об этом я узнаю уже позже, когда приду в себя в больнице и пойму, что плен остался позади, мы с Ириной спасены, а впереди... впереди ждет целая жизнь.

Яркая, насыщенная эмоциями и офигенная!

Листаем дальше)

Глава 1

ОЛЬГА – Ольга, рада, что вы очнулись. Меня Рита зовут, я – ваша медсестра, – дружелюбно информирует де-вушка примерно моих лет в розовом брючном костюме.

Старательно моргаю, чтобы избавиться от мутной пелены, застилающей глаза, и кривлюсь, пытаясь сделать глотательное движение.

Выходит с трудом.

Горло сухое. Внутри скребет. Язык распух. Не мог же он вырасти, пока я была в отключке? А слюна настолько вязкая, что хоть шарики катать.

Жаль, затея с шариками остается всего лишь затеей. Упадок сил накладывает вето на любые маломальские движения. Даже языком.

Да что там язык, простые вдохи-выдохи и те с трудом даются. Тем более, лежа на животе, когда грудная клетка сдавлена.

Но на данном этапе находиться в кровати иначе невозможно. Либо так, либо на боку.

Последнее, конечно, предпочтительней, но очнулась я именно в положении черепашки. Черепашки, у которой сверху вместо панциря – одна сплошная рана.

Или не одна. И не сплошная. А несколько, но все противно болючие. И это притом, что явно действует обезболива-

ющее.

Господи, и что у меня там?

Сама я наспинной живописи, оставленной моими истязателями, пока не видела. Толком тоже еще ничего знаю, но чувство неприятное: словно я существую отдельно, и эта часть меня – тоже отдельно.

Подгребаю руки поближе к телу, опираюсь на предплечья, напрягаюсь, чтобы хоть немного сместиться вбок, – хочу вдохнуть нормально – и тут же шиплю сквозь плотно стиснутые зубы – ощущение, будто, растягиваясь, кожа на спине лопается.

Мамочки!

Слезы из глаз брызгают.

Хотя откуда бы им взяться, если в организме с жидкостью напряженка, а во рту настоящая пустыня Гоби?

– Оля-Оля, не торопитесь, – подскакивает ко мне медсестра.

Но слава богам, не возвращает в исходное положение, тыча мордой в пол, точнее, лицом в подушку, а помогает довершить маневр и, будто фокусник в цирке, откуда-то извлекает огромную, продолговатую, длиной с человеческий рост подушку для беременных и подсовывает мне под живот.

– Уф!

Состояние – полный ахтунг. Самочувствие аналогичное. А я умудряюсь прыснуть, забыв про желание пореветь и пожалеть себя несчастную.

Ну вот откуда такую прелесть выкопали? Да еще так вовремя. Мы ж в обычной клинике находимся, а не в частном роддоме.

Или я чего-то не знаю? Впрочем, это не столь важно. Главное, я не в той камере, которая и в забытии преследовала, не оставляя в покое.

– Как вы себя чувствуете, Ольга? – Рита, как детектор лжи, моментально улавливает изменение в эмоциональном фоне и включает сканирование.

Наклоняется ниже, трогает лоб, щупает пульс, убирает растрепавшиеся и упавшие на лицо волосы, поправляет одеяло.

– Как дождевой червяк я себя чувствую, которого не пожалел человеческий ботинок и превратил в лепешку, – сиплю на пределе возможностей. – А после солнышко поглумилось, засушив.

Девушка хмыканьем оценивает юмор.

– Воды дать? – предлагает.

С трудом сглатываю. Было бы неплохо, но...

– Лучше яду.

И ведь нисколько не вру. Состояние отвратительнейшее. А я больше всего ненавижу беспомощность.

Быть слабой – слишком большая роскошь в нашем суровом мире. И доступна она не всем. Лишь тем, у кого есть рядом крепкое плечо, готовое подставиться в сложный момент. У одиночек же подобный бонус отсутствует.

Я из последних.

– Ой, да что вы такое говорите?! – взмахивает руками Рита. – Какой яд, Оленька? Мы с вами пограничный рубеж миновали, теперь с каждым днем будет легче...

Она еще что-то произносит, не особо слушаю. Зато как замороженная дудочкой змея, смотрю на ее косу. Настоящую такую косищу, толстую, светло-русую, раскачивающуюся у меня перед носом.

Давно таких не видела. Красивая. Почти до пояса. А у меня волосы очень темные, чуть ниже плеч. Ничего интересно.

– Вот, пейте, – прорываясь через белый шум, доносится по-прежнему доброжелательный голос медсестры, а в губы настойчиво тычется трубочка. – Это морс, правда, очень сильно разбавленный. Вам сейчас такой полезен. И вообще много пить надо. Температура и боль здорово организм измотали. Но ничего, потихоньку мы и силы, и водный баланс восстановим. Тем более, вы очнулись, и худшее позади.

Цепляюсь за некоторые странные фразы, хочу уточнить про них подробнее. Но каждый глоток кажется настолько божественным, что силой воли я отодвигаю встроенную в мозг каждой женщины любознательность на дальнюю полку и просто пью.

Глоток за глотком.

Вопросы подождут. Пока есть более приятное занятие.

– Я сейчас к вам лечащего врача приглашу, – чирикает Рита, когда через трубочку вместо чудодейственного напит-

ка начинает поступать воздух. — А потом дам еще. И капельницу с витаминчиками поставим.

Не забудьте поставить звездочку (лайк). Это займёт пару секунд, но мне будет очень приятно. Ваш отклик - лучшее вдохновение!

И добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять её.

Глава 2

ОЛЬГА Пока суетливая медсестра исчезает за дверью, осматриваюсь.

Непохоже, что палата принадлежит муниципальной больнице. Даже если платная. Вот ни разу не похоже. В тех я часто бываю.

У бабушки здоровье неважное, да и возраст уже – восьмой десяток давно разменян. Поэтому с ходу подмечаю массу различий. Начиная от наипростейшего – банальной расцветки стен и заканчивая внешним видом персонала.

Последний, к слову, чуть ли не самый говорящий.

В здравницах, находящихся на подсоте у государства, как ни печально признавать, единый бледно-зеленый оттенок у всего – у стен, у формы врачей, даже у лиц медперсонала.

Прискорбное зрелище.

А еще все бюджетные учреждения похожи друг на друга, как братья-близнецы. Их объединяет въевшийся во всё запах медикаментов, хлорки и кислой капусты из столовки; красивый по бокам и протертый по центру линолеум; лампочки Ильича и ни разу не мытые, но гудящие как растревоженный улей плафоны дневного света; голые окна, хорошо если стеклопакеты, а не советские рассохшиеся рамы; самая дешевая, но обязанная служить десятилетиями мебель и вгоняющие в дрожь и панику санузлы. При виде последних всегда рыдать

хочется.

Но главное, это беспросветное уныние и уставшие сотрудники, несмотря на то что едва-едва приступили к работе.

В частных клиниках всё иначе. Атмосфера наполнена доброжелательностью, уютом и умиротворением. Вокруг только что бабочки не порхают.

Хотя, про последнее утверждать со стопроцентной уверенностью не берусь, может, где-то порхают и они.

В целом же все направлено на повышение бодрости духа пациентов и поддержание в них позитива и радости: веселенькая расцветочка стен, штор и формы персонала; качественное освещение, на котором не экономят; индивидуальные палаты с личными сануздами и душевыми; картины в рамах и торшеры на прикроватных тумбах; мягкие кожаные диваны и живые цветы. Обоняние радует легкий цветочный аромат или, на худой конец, запах морозной свежести, а глазам предстают до зависти счастливые лица всех без исключения сотрудников: и медсестер, и врачей, и даже охранников.

Рита, пока не сбежала, тоже меня подобным радовала.

Да. Однозначно, я нахожусь в частной клинике.

От размышлений отвлекает короткий стук в дверь, а спустя пару секунд перед глазами появляется мужчина солидного возраста в идеально отглаженном белоснежном халате. Гусиные лапки у внешних уголков век, открытый взгляд, добрая улыбка и располагающие интонации в голосе – я начинаю доверять ему раньше, чем это осознаю.

– Здравсьте-здравсьте, Ольга Леонидовна. Ну, давайте еще раз знакомиться, голубушка.

Именно в такой интересной манере я узнаю, что передо мной стоит, а затем и сидит в кресле мой лечащий врач Шац Иван Степанович. Ко всему прочему, главный врач и совладелец частной клиники, где меня выхаживают.

– Сколько дней, вы говорите, я у вас нахожусь? – переспрашиваю своего доктора минут через пятнадцать, когда осмотр остается позади и мне понятными фразами объясняют, что спина пусть и болит, но кожа на ней точно уже не лопнет, чего я страшусь.

Однако, к сожалению, шрамы останутся. На пояснице, куда четыре раза из пяти попала пряжка ремня, глубоко порвав кожную ткань, и на запястьях, особенно с внешней стороны.

– Три дня, Оленька, – уверенно повторяет мужчина и, считав на моем лице волнение, поясняет. – Ничего странного в этом нет. Ваш организм был истощен до критических параметров. Плюс сильная простуда. А сон, как вы знаете, лучшее лекарство. Поэтому вы просто восстанавливали силы, а мы вам помогали, насыщая витаминами и поддерживая щадящими препаратами.

– Но три дня... – повторяю, пытаюсь осознать масштабы моей пропажи со всех радаров.

Пять дней плена. Плюс три дня в больнице. Это больше недели.

Бабуля, наверное, с ума от переживаний сошла. Все морги

обзвонила и поставила на уши полицию и спасателей.

Кошмар.

– В вашем положении это нормально, не волнуйтесь.

Поскольку все мысли занимает беспокойство об единственной родственнице, слова Шаца проходят мимо ушей. Слушаю, но не слышу.

– Мне срочно нужен телефон, – озвучиваю первостепенную необходимость.

А затем с удивлением узнаю, что Анна Савельевна живет и здоровствует без паники и даже на здоровье не жалуется.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Ваш начальник Антон Сидоров связывался с ней еще в первый день вашего похищения. Объяснял, что вместе с Митиной Ириной вы стали участницами громкого процесса о рейдерском захвате промышленных кооперативов, поэтому в целях безопасности правоохранные органы вас обеих взяли под охрану, перевезли на конспиративную квартиру и ограничили связь с внешним миром.

– И она купилась? – недоверчиво приподнимаю бровь.

– Да, Оленька. Уверяю вас, – усмехается врач в усы. – Любой бы на месте вашей бабушки поверил, когда к нему в дом заявились Самков и Платонов, сверкая корочками и звездами на погонах.

– О-о-о... – выдаю глубокомысленно, вспоминая мужчин, про которых идет речь.

Михаил Самков – жених Митиной Ирины и лучший адво-

кат северной столицы. Сергей Платонов – брат Ирины, заместитель начальника уголовного розыска, подполковник полиции.

Да, этим двоим сам черт лысый поверил бы. Зато теперь понятно, откуда про мое исчезновение узнал Антон Сидоров, не видящий дальше своего носа. Но то, что помог успокоить бабулю, молодец.

– И никаких вопросов Анна Савельевна не задавала? – сиплю, стараясь переварить шокирующую информацию.

Платонов был в доме моей бабушки – вау!

– Ну почему же? Насколько я в курсе, она настойчиво интересовалась: много ли вокруг вас холостых мужчин?

Закрываю глаза, утыкаюсь лицом в уже горячо любимую мною подушку для беременных и стону в голос.

– Ы-ы-ы...

Вот теперь у меня нет никаких сомнений, что с бабушкой разговаривали, и у нее действительно все хорошо.

Анну Савельевну хлебом не корми, дай только повод спровадить меня замуж. Ну или просто поближе к мужчинам. Эта неугомонная старушка спит и видит, как я бросаю карьеру и рожаю ей правнуков. Одного за другим, как пулемет.

– Спасибо, Иван Степанович, – проговариваю, перестав краснеть за любимую родственницу.

– Я рад, что смог вас успокоить хорошей новостью, – кивает врач. – А теперь хочу озвучить еще одну, потому что

время не ждет. И от вашего решения будет зависеть, каким курсом мы продолжим восстанавливать ваш организм.

– Кхм, вы о чем? – рассматриваю Шаца внимательнее, не понимая, что снова произошло и, главное, мне вновь стоит паниковать или пока рано?

Слава богу, доктор не мнется и не держит театральных пауз.

– Ольга Леонидовна, вы знаете о своем деликатном положении? – уточняет он, становясь серьезным.

А вот я подвисяю. Конкретно.

– К-каком?

– Вы беременны. Приблизительный срок – семь недель.

Господи, как хорошо, что я лежу.

Глава 3

ОЛЬГА

– Вы не знали, – заключает Иван Степанович через минуту.

Бинго!

Проглатываю не самый правильный в данном случае ответ и, стараясь не сильно косить под лупающую глазищами сову, соглашаюсь.

– Не знала.

– Не рады?

Чувствую себя участницей игры «Слабое звено», ставшей тем самым слабым звеном. Без понятия – какой ответ правильный.

– Пока в шоке.

Не вижу смысла юлить.

Хотя, шок – это не совсем верная эмоция. У меня отупение прогрессирует. Даже боль, не оставляющая ни на минуту в покое, отступает под натиском более сильного чувства.

Беременна.

Я беременна.

Как?

Нет, как именно происходит процесс оплодотворения... тьфу! Уж лучше просто отупение, чем углубление в анализ взаимодействия пестиков и тычинок на примере яйцеклеток.

Но как, чтоб ему пусто было, мог подвести презерватив? Окей, несколько презервативов. Не суть. Они же должны были быть надежными!

Девяносто восемь процентов надежности, как утверждают производители и исследователи. Это же почти сто.

Ладно, пусть не сто. Пусть девяносто восемь. Но оставшиеся два процента обеспечивали безопасные дни моего цикла! На них я тоже в какой-то мере полагалась.

И теперь вопрос месяца: с ними-то что не заладилось? Как они переквалифицировались из безопасных в опасные?

Боже!

Это всё Платонов. У него не сперматозоиды, а живчики-камикадзе. Такие же крутые, как хозяин. А как иначе, если они в легкую смогли пройти полосу препятствий и водрузить знамя победы на мою вагину.

Пока в дымящейся черепушке происходит самый настоящий апокалипсис, Шац поудобнее устраивается в кресле и все с той же добродушной улыбкой, произносит:

– Оленька, а давайте, пока вы потихоньку будете приходить в себя, я вам немного проясню общую ситуацию.

– Угу, давайте, – соглашаюсь.

Сейчас любая информация будет в радость, потому что что-то я нервничаю.

Ребенок.

У меня будет ребенок.

Господи, если бабуля узнает, она салют на Дворцовой пло-

щади организует. И пофиг, что ее пенсия чуть больше двадцатки. Она копилку с похоронными, припрятанными на черный день, разобьет и гульнет. Ох, гульнет, держите ее семеро.

У-у-у... прикрываю глаза, упираюсь лбом в подушку для беременных, на которую теперь даже не знаю, как реагировать... вот уж подогнали в тему, так в тему.

– Иван Степанович, говорите, – прошу, – я вас очень внимательно слушаю.

И тот не подводит. Шпарит прямо по сути:

– Ольга, пока вы находились в пограничном состоянии, мы провели ряд анализов. Хотели удостовериться, что телесные повреждения, стресс и воспаление никак не повлияли на протекание беременности, все органы функционируют в нормальном режиме, плод развивается без аномалий и ему ничего не угрожает.

Делаю вдох и забываю выдохнуть.

– И как? Всё в порядке? – сиплю, вдруг пугаясь до ужаса.

А что, если, издеваясь надо мной, изверги причинили вред и моему ребенку. Им же было плевать. Били, не жалея.

Страх, чистый и безграничный, не за себя, за свою крошку, которая зародилась внутри меня и уже могла страдать, моментально прочищает мозг, выдувая из него все глупости.

Забываю о боли, о кошмарах, обо всем на свете, замираю и не дышу, настолько сильно опасаясь пропустить ответ.

– В порядке, Оленька. Не волнуйтесь, – Иван Степанович

накрывает мою руку своей и слегка сжимает, стараясь поддержать. – Но в ближайшее время мы все же проведем УЗИ. Процедура позволит нам на ранних стадиях обнаружить аномалии, оценить состояние плаценты, пуповины и околоплодных вод.

Часто-часто моргаю и киваю, киваю, киваю.

– Когда? Сегодня? – не скрываю надежды в голосе.

Господи, я готова прямо сейчас. Встать и идти. Куда скажут. И необходимость для этого лечь на спину меня тоже совершенно не страшит.

Скажут надо – сделаю.

– Через пару дней, Оля. Пока будем долечиваться.

– А не поздно?

– Нет, – тепло мне улыбается Шац. – Я правильно понимаю, что вы уже приняли решение в отношении беременности? Будем сохранять?

– Будем, – подтверждаю слова наклоном головы.

Я могу сомневаться в чем угодно, но только не в этом.

Никаких абортов.

Я буду рожать.

И через семь с половиной месяцев у меня будет малыш. Мой самый родной и уже любимый человечек на свете.

Глава 4

ОЛЬГА – Тогда, Оленька, давайте поступим так, – Иван Степанович довольно потирает руки, будто только что заключил очень выгодную сделку. – Сейчас я заполняю карту с планом лечения, который для вас и ребенка будет самым эффективным и безопасным, и оставляю на попечение Маргариты. Она поставит капельницу. Чуть позже еще раз возьмет кровь на анализ и после этого принесет вам обед.

– Угу.

Киваю, согласная на всё.

– А вы, голубушка, тоже не филоните и направляете все силы на выздоровление, – прищуривается. – Знаете, что для этого надо?

– Что? – переспрашиваю, выныривая из видений, в которых мой живот постепенно округляется и с каждым днем всё растет и растет... превращает меня в неповоротливую гусыню с отеками икрами, но при этом самую счастливую женщину на свете.

Я стану мамой! Боже мой, какая прелесть!

Мамой!

Той, кого очень скоро будут любить искренне, не напоказ. Детской, чистой и безусловной любовью. А Оля-одиночка навсегда растворится в небытии.

Пугают ли меня перемены? Да. Безумно.

Но они же наполняют ранее неизведанной энергией, меняют жизненные ориентиры и дают силы жить. Много сил.

Просовываю руку между подушкой и своим телом, накрываю ладонью еще совершенно плоский живот и уточняю:

– Что мне для этого надо?

– Обязательно расслабиться, ни в коем случае не нервничать и даже мысленно настроиться на выздоровление.

Интересный совет.

– Вы из тех врачей, которые согласны с теорией, что все болезни от нервов? – не скрываю удивления.

Шац хмыкает и смотрит на меня без превосходства, но так, как смотрел бы старший родственник на зеленого подростка с высоты прожитых лет. А после расщедривается на короткую лекцию.

– А это, Оля, не теория, а давно доказанный факт, – произносит неторопливо. – Врачи даже выделили целое направление в медицине и целую группу болезней, вызванных нарушениями в работе нервной системы. Про психосоматику слышали? – дожидается согласного кивка и продолжает. – Вы удивитесь, какой большой перечень патологических состояний относят к психосоматическим заболеваниям. Это и гипертония, и бронхиальная астма, и синдром раздраженного кишечника, и экзема. А из самых, если так можно выразиться, понятных – ожирение или патологическая худоба и гипертермия центрального генеза, упрощенно – повышение температуры.

Ого!

Подвисяю. Никогда не задумывалась, точнее, так глубоко не вникала в «нервную» тему. А тут оно вон как получается. Все взаимосвязано.

– Обещаю не нервничать, – даю слово Шацу.

А заодно себе и тому, кто живет под сердцем.

Ни за что не стану целенаправленно вредить собственному малышу. Нам уже и так с ним досталось. Разгрести и разгрести.

Слава богу, доктор порадовал благоприятным прогнозом по моему выздоровлению. Вот и дальше будем надеяться только на хорошее.

– Кстати, Ольга Леонидовна, – Иван Степанович вновь становится серьезным. – В нашей клинике есть штатный психолог. Если желаете, мы можем его пригласить, чтобы вы могли познакомиться, пообщаться и, если в дальнейшем придете к мнению, что вам это нужно, согласовать встречи.

– Спасибо, я подумаю.

Не спешу ни соглашаться, ни отказываться. Хотя второе так и вертится на языке. Пускать в голову чужаков – желания нет, как и обнажать душу.

Пока сама неплохо справляюсь. А дальше... дальше посмотрим.

– Иван Степанович, я бы хотела позвонить бабушке. Это возможно? – возвращаюсь к одной из первых своих просьб.

– Конечно. Маргарита принесет вам телефон.

Мысленно выдыхаю. Честно, боялась отказа. Моих вещей со мной нет. Бандиты все отняли еще в день похищения. А услышать голос родного человека очень хочется.

– А связаться с Ириной Митиной выйдет? Я же правильно понимаю, что мое нахождение не в государственной больнице, а у вас в клинике, имеет к ней непосредственное отношение?

Других вариантов в моей голове просто нет.

– У вашей подруги большие связи, да и мир тесен, – следует замысловатый ответ. – Я попрошу персонал ее набрать и передать, что вы пришли в себя и готовы к встрече. Уверен, она очень обрадуется этой новости и непременно скоро появится. Не зря же каждое утро звонит и спрашивается о вашем самочувствии.

– Правда?

– Да.

В груди становится теплее. А Шац, будто чувствуя мое волнение, вновь тянется к моей руке, касается пальцев.

– Она очень за вас переживает.

– Спасибо, Иван Степанович, – с благодарностью принимаю его рукопожатие. – Скажите, а для бабули я еще сколько времени не смогу выйти на связь?

– Неделю, Оленька, максимум полторы. Понимаю, что дома и стены лечат, но в вашем случае я советую не спешить с выпиской, понаблюдаться до полной стабилизации всех показателей, да и Анну Савельевну не волновать лишний раз.

– Согласна.

Нервные потрясения моей старшей родственнице ни к чему. Как и мне. Но одну существенно волнующую вещь не выяснить я не могу.

– И последний очень важный момент. По поводу оплаты. Я хотела бы хоть примерно понимать, в какую сумму обойдется моё у вас пребывание.

То, что цифра будет шестизначной, без сомнений. Но сто – двести тысяч – это одно, а четыреста – пятьсот – уже иное. И их нужно саккумулировать.

– Об этом можете не беспокоиться. Все расходы уже оплачены.

Ого.

Сглатываю вновь напрочь пересохшим горлом. Потому и вопросы звучат сипло.

– Но как? Кем?

Шац с улыбкой поднимается из кресла и передает планшет, в который вносил записи, вернувшейся в палату Рите.

– Считайте, что доброжелателями, пожелавшими остаться неизвестными.

Мои брови как по команде взмывают вверх.

– Разве такое бывает?

– Бывает, Оля, бывает. Вы просто себе не представляете, каким серьезным людям и как много гадостей успел наделать Аль Мади, – от имени арабского шейха, того, кто и организовал наше с Митиной похищение, мороз бежит по коже, а

рубцы на спине вновь начинают ныть. – Вы стали случайной жертвой, но и одной из тех, кто помог его в конечном итоге поймать. Поэтому считайте, что ваше пребывание здесь – небольшая благодарность от заинтересованных людей.

Качаю головой, до конца не веря в услышанное.

Фантастика какая-то. Я же ничего не сделала. Просто провела пять дней в плену. Вместе с Ирой. А под конец разболелась так сильно, что даже нашего спасения не запомнила.

А тут благодарность за помощь... от неизвестных...

Впрочем, намеки я понимать умею. Поэтому разглаживаю на лбу хмурую складку и открыто улыбаюсь врачу:

– Иван Степанович, если вдруг будет возможность, передайте вашим серьезным людям от меня «большое спасибо» и то, что я с радостью принимаю их подарок.

– Непременно передам.

На миг кажется, что во взгляде врача мелькает уважение вместе с облегчением. Но он быстро разворачивается и уходит, я же отдаюсь в руки Риты.

Глава 5

ОЛЬГА

Дав медсестре последние наставления, мой лечащий врач покидает палату. Проводив его взглядом, переключаюсь на Риту.

Девушка с косой, не теряя времени, вручает мне обещанный морс, помогает напиться и следом подтягивает поближе к кровати штатив для капельницы.

– Сейчас все настроим, – улыбается она, проверяя правильно закрепленный на кисти катетер и подсоединяя трубку, – а затем я принесу вам телефон. Вы же помните нужный номер? Или я могу уточнить его в личной карте. Иван Степанович сказал, что об этом там есть запись.

Вот что значит вип-обслуживание. Все тридцать три удовольствия и ни одного «фи, разбирайтесь сами».

Впрочем, чего кривить душой. Я этому очень рада. Как и помощи с бабушкой.

– Спасибо, Рита, – благодарю от души. – Телефона будет вполне достаточно, номер я наизусть помню.

– О, замечательно. Тогда я – одна нога здесь, другая там, – выпаливает и убегает.

Возвращается действительно быстро. Протягивает мобильный с разблокированным экраном.

– Ольга Леонидовна, вы не переживайте о времени. Разго-

варивайте столько, сколько вам понадобится. Я загляну примерно через полчаса, – показывает в сторону настенных часов. – Принесу обед. Но если вдруг голова закружится или просто понадобится раньше – без раздумий жмите на вызов. Договорились?

Рядом со мной на простыню приземляется небольшой пульт ярко-желтого цвета с единственной кнопкой.

– Хорошо, – даю обещание и меньше чем через минуту остаюсь одна.

Разговор с бабулей, которого я немного побаиваюсь, проходит на удивление легко. Она не закидывает вопросами, куда я пропала, не выпытывает, когда вернусь, лишь твердо заверяет, что у нее все хорошо, давление в норме, запаса лекарств хватит на месяц, как минимум, а даже если нет, то соседка Клава с третьего этажа сбегает и купит.

– Анна Савельевна, – хмурюсь, услышав последнее, – а ты, дорогая моя, этажом соседки Клавы случаем не ошиблась?

Та, если что, с нами на одной площадке всю жизнь живет. Даже телефон от уха отстраняю, чтобы перепроверить, правильно ли я набрала цифры. Вдруг где-то что-то перепутала и чужую бабушку беспокою?

Но нет. Свою.

И моя пенсионерка, обожающая детективы, это подтверждает.

– Ну точно, это Олюшка моя, – заявляет она, довольно хмыкнув.

Не мне, а судя по всему, как раз бабе Клаве. Приглушенный голос той я тоже слышу на заднем фоне.

А вот дальше уже громко в трубку говорят мне:

– Прости внуча, проверка связи была. Вдруг какие ироды хотели под тебя закосить, так я б их быстро сейчас хакнула.

Фыркаю, услышав молодежный сленг из уст престарелой дамы. Зато больше не сомневаюсь – моя родная со мной общается. Вряд ли еще кто-то хорошо после семидесяти захочет хакать телефонных маньяков.

– Про твои важные дела всё знаю, не рассказывай, – продолжает бабушка деловым тоном. – Мальчики ко мне важные приходили. Хорошие мальчики. Не пустомели. Всё, что надо, поведали. На вопросы ответили. Гарантии дали. Ты б, внуча, к ним присмотрелась. Орлы. Оба без колец. Ага, я проверила. Так что вы там с Ирой работать – работайте, бандюков на чистую воду выводите, но и про личную жизнь не забывайте. Уяснила?

- Так точно.

- Тогда еще слушай...

Выдав ЦУ, бабуля еще раз повторяет, чтоб я за нее не волновалась, и первая отключается. Не любит она из пустого в порожнее гонять.

Я же откладываю телефон в сторону и, уткнувшись носом в подушку, чуть истерично смеюсь. Знала б моя командирша, что к одному из «орлов» я уже присмотрелась. Да так хорошо, что к весне мамой стану, а ее прабабушкой сделаю.

Боже, кому сказать – не поверят.

Но наш мир, действительно, удивительно тесен.

Я ведь даже не знала, что тот, с кем семь недель назад спонтанно решила продолжить вечер после стрельбы в тире, и есть двоюродный брат моей подруги и коллеги по работе. Ирина никогда не называла его по имени, не показывала на фотографиях, да и саму родственную связь никак не афишировала.

Из редких упоминаний я знала лишь то, что они очень близки, и именно брат научил Ирину неплохо драться.

Я даже уточняла, не мог бы такой крутой спец и со мной позаниматься, но Митина сразу отмела идею, как нереальную, сославшись на его большую занятость и то, что мужчины вращаются в высоких кругах.

А еще, что самое невероятное, мы с Платоновым переспали в день его помолвки. И если бы не случайность – упавшая во время завтрака со стола коробка, у которой открылась крышка, а оттуда вывалились девайсы-приколы из секс-шопа, – так бы этого и не поняла.

Да, именно по надписи на коробке, которую мы вместе с Ирой собирали и подписывали за неделю до дня X, решив немного подшутить над молодыми, раскрылась личность мужчины.

Сопоставив все, что знала, я испытала шок, а заодно и сожаление. Потому что, даже не задавая ни одного вопроса, поняла: общего с таким, как он, у такой, как я, ничего быть

не может.

Мы разные во всем.

Поэтому, когда он мне сказал: «Спасибо за отличную ночь» и «Пока!», улыбнулась, повторила последнюю часть его слов и закрыла за собой дверь.

А как интересно всё начиналось...

Глава 6

ОЛЬГА

А как интересно всё начиналось...

Нет. Изначально ничего не предвещало беды.

Законный выходной. Я занималась домашними делами, в кои-то веки забив на переработку, от которой никогда не отлынивала, чем очень и очень радовала начальство.

Юридическая контора братьев Сидоровых, в которой мы с Митиной ни один год трудились помощницами, она на подпевках у старшего брата, я – у младшего, лишнего персонала нанимать не хотела. Поэтому хитровыделанное руководство в лице как раз тех самых братьев Сидоровых без стыда и совести нас эксплуатировало. Сваливало на хрупкие, но выносливые женские плечи все, до чего у самих мальчиков-зайчиков руки не доходили.

А учитывая, что перетруждаться оба ой как не любили, по выходным мы с Ирой вкалывали часто. Надеялись, что наш труд на общее благо фирмы будет замечен и высоко оценен, и в ближайшее время из помощников нас с Митиной повысят до младших компаньонов. Разговоры такие велись давно, но на уровне разговоров и оставались.

В том числе и поэтому Ирина в итоге послала Максима Сидорова нафиг и приняла решение уволиться. По всем прикидкам с этого момента в помощниках я оставалась одна.

Именно об этом первым делом я и подумала, когда из спальни поплыл знакомый рингтон, установленный на моего непосредственного начальника.

Подумала и, как стояла с рюмками в обеих руках, так и осталась стоять. Целых пять минут выжидала, очень рассчитывая, что Антон проникнется моей занятостью, раз не отвечаю, и сам по себе отстанет.

Не тут-то было.

Замолчавший на пару секунд телефон, вновь зазвонил. А затем с паузами еще и еще раз. Настойчиво. Заунывно.

Сверля мозг притомившей мелодией.

Не выдержав, опустила хрупкую посуду в таз с холодной водой, запястьем почесала кончик носа, сдула несуществующую челку с глаз, повернулась к бабуле, внимательно наблюдавшей за тем, как я тщательно и аккуратно до сей минуты мыла ее бесценный хрусталь из серванта, и пообещала:

– Один момент, ба. Сейчас узнаю, чего там у Антошки на этот раз стряслось, и вернусь.

– Ой, не ве-е-ерю, – протянула, сверкая не то глазами, не то линзами очков, а может быть и всем вместе, моя единственная родственница. – Эти ироды опять на работу тебя загонют.

Именно так и сказала «загонют». А после еще и в сторону спальни, где сотовый не унимался, от души плюнула.

– Да ну брось. Я не поддамся, – постаралась ее приободрить.

Честное слово, в этот раз говорила не просто так, чтобы успокоить. Я действительно никуда не собиралась нестись. Даже на полчаса.

– Ага-ага. Проходили, знаем, – мне совершенно не понравились, что и подтвердил тяжелый вздох и после паузы уверенное. – Новую работу тебе, Олюшка, искать надо. К лешему этих чертей прижимистых.

Работу я менять не собиралась, а вот продать Сидоровых в должности – это да. Зря что ли столько времени горбатилась?

Потому просто подмигнула насупившейся Анне Савельевне и выдала с улыбкой:

– Мне всё нравится, заботливая ты моя.

Фыркнув, бабуля уже открыла рот, чтобы своей любимой фразой: «Никакой личной жизни с бесами окаянными у тебя нет и не будет. И я правнуков не дождусь» меня образумить и наставить на путь истинный, но я сделала ход конем – прибавила скорость и скрылась в своей комнате.

А после первой же фразы Антона еще и плотно прикрыла дверь.

Новости оказались... ошеломительными.

Максима, непосредственного начальника Митиной, избивали. И не просто чуть-чуть или случайно зацепили, а целенаправленно и жестоко. Так, что он загремел в реанимацию, имея в комплекте пробитую голову, гематомы по всему телу и сломанные ребра и обе руки.

Жажда подробностей, закидала шефа вопросами, но осталась ни с чем.

– Брат ничего не помнит, – кратко поведал на все мои «Как?» и «Что?» непосредственный начальник и впервые за все время сотрудничества не попросил поехать и поработать за него в офисе, а наоборот, настоятельно рекомендовал туда не соваться и отдохнуть. Попутно с барского плеча еще и парочку оплачиваемых выходных отсыпал.

Естественно поблагодарила.

Естественно попросила звонить, если нужна будет помощь.

Естественно тут же созвонилась с Митиной и поставила ее в известность.

А дальше нет бы успокоиться и радоваться летнему солнышку и внезапным выходным. Нет. Зачем? Помимо воли стала себя накручивать.

Потихонечку-полегонечку, но основательно, по нарастающей, как мы, женщины, умеем. И практикуем. Да так хорошо пошло, так увлеклась, что не заметила, как пребывая в легком нервном напряжении, перелопатила все запланированные на пару дней вперед дела и делишки.

К вечеру никаких забот не осталось, а мозг кипел и кипел. Оставаться в четырех стенах стало совсем невыносимо, потому наплела бабуле, что собираюсь на свидание, и одевшись для поддержания легенды красиво – в желтое платье в белый горох и босоножки на танкетке, подхватила в руки

клатч и была такова.

То, что свидание планировалось в тире, а моим партнером предстояло стать пистолету Глок – об этой мелочи я, естественно, умолчала. Бабуля точно бы не оценила такого кавалера. Холодного, равнодушного и не способного подарить ей правнуков.

Зато я была довольна.

Наконец, я отрывалась. Я спускала пар и возвращала себе покой.

Надев наушники, прищурившись и послав все остальное глубоко в космос, я уделяла все свое внимание мишени.

Делала вдох. Выдох.

Замирала.

А после указательный палец плавно давил на курок.

Выстрел гремел за выстрелом. Еще. Еще. Еще.

Отдача ощущалась привычно и даже приятно.

Последний патрон, кажется, ушел в молоко, но в целом я была довольна. Нервы практически вернулись в норму.

Опустила пистолет на стол. Немного отошла и, стянув наушники, нажала на пульт, приближающий мишень.

– Новичкам везет? Или на бис еще раз повторить сможешь?

Рефлекторно повернула голову на голос и чуть подзависла.

Высокий широкоплечий амбал в дорогом костюме стоял на расстоянии метра и заинтересованно осматривал меня с

ног до головы. Кажется, даже не мигал. Голубоглазый. С густыми длинными ресницами и взглядом, прошивающим насквозь.

– Смотря как на бис приглашать станут.

Голос странно охрип.

Глава 7

ОЛЫГА «Пригласить» меня ему удалось с первого раза.

Для этого Сергею, как представился, мой новый знакомый, особо и стараться не пришлось. Он, будто опытный психолог, всего лишь правильно сыграл на моей не самой лучшей черте – азарте. Да, есть среди моих личных качеств такой небольшой грешок.

– Как на счет небольшого соревнования? – сверкнул он глазами. – Три подхода. По десять выстрелов. В зачет идет максимальный. Выигрыш по очкам.

– А вдруг ты – мастер спорта? – вскинула бровь, не спеша говорить «нет».

О том, что он дружит с оружием, по глазам видела и нутром чуяла. Слишком горячий и дерзкий, слишком раскованный и непринужденный, чтобы даже на секунду допустить мысль, что он в тире новичок.

А уж фигура – закачаешься, мощная и в то же время подтянутая. Движения скупые, четко выверенные и точные. Взгляд – рентген.

Хищник на своей территории.

– Даю слово, что нет, но опыт имеется, – ответил мужчина просто и следом добавил заманчиво, – и чтобы тебе было спокойнее, Оля, предлагаю слегка уравнять наши шансы.

Расстояние до мишеней. У меня оно будет в полтора раза больше, чем у тебя.

Хм, уступку оценила, стараясь не поддаваться животному магнетизму в голосе.

– Что на кону?

– На кону – бутылка шампанского. Или ты предпочитаешь что-нибудь покрепче?

Покрепче... м-м-мм...

Мысли дернулись в иную плоскость. Резко их осадила и засунула подальше.

Зачем бежать впереди паровоза? Еще размечтаюсь, а потом облом. Нет уж, всему свое время.

– Думаю, договоримся.

Обменялись улыбками.

Сергей указал в сторону стола, где работник тира выложил все нам необходимое, а потом взял и покинул помещение. Совсем. Других посетителей тоже не было.

Отметила в голове этот момент, но быстро отвлеклась. Мой партнер предлагал начать:

– Уступаю даме стрелять первой. Согласна?

Кивнула.

– Спасибо, Сергей. Не откажусь.

Не красясь, надела наушники. Плавно приблизилась к оградительной линии, проверила обойму, пистолет. Поймала взглядом мишень. Встала на изготовку.

Сконцентрировалась на дыхании, настойчиво отмечая

лишнее.

Азарт постепенно горячил кровь.

Хотя, не он один. Внимание и интерес, которые совершенно не скрывал расположившийся поблизости матерый хищник тоже вносили свою лепту.

Я таких самцов, вот чтоб реально самцов, от которых тестостероном за версту веет, в своей жизни еще не встречала. И дело было даже не в финансовом недостатке, о котором кричали дорогая одежда, обувь и аксессуары, а в уверенности, которая его наполняла. В силе тела, в силе взгляда, в силе духа, в дикой энергетике, разливающейся вокруг этого мужчины.

Не зря ж, столкнувшись с его кипящим взглядом, сразу вспомнила, как давно в моей жизни не было секса. Жаркого, страстного, крышесносного. Такого, чтобы «ух!», чтобы при воспоминании о нем краснелось, потелось и хотелось повторить еще и еще.

А не как с Маркушей, моим бывшим тощим продавцом из «Эльдорадо», с которым встречалась почти год, но дальше игры в одни ворота так и не продвинулась. Поймав удачу за хвост, мой ленивый не-мачо неизменно отворачивался к стенке и храпел, а я под девизом «Помоги себе сам» доделывала за него всю работу.

К черту Маркушу!

Медленно повела плечами, ощущая на себе мужское внимание, точно прикосновение шероховатых подушечек паль-

цев, скользящих вдоль позвоночника и плавно спускающихся к нижним девяносто, чтобы огладить и их.

Ох... жарковато...

Пришлось еще раз себя одернуть и сосредоточиться на победе...

В третьем подходе так разошлась, что к собственному удивлению выбила девять десятков подряд. Лишь последний выстрел смазала в пятерку. Но там сама же, как говорится, лопухнулась. Решила глянуть в сторону соперника и словила такой голодный и вместе с тем жадный взор, что сердце в груди кульбит изобразило, а рука в итоге дрогнула.

Время турнира пролетело незаметно. Но мне всё очень понравилось. Нервозность дня растворилась без следа, даже усталость пропала. На первый план вышли воодушевление, задор и желание поразить.

Причем, поразить уже не мишень. Рядом обитал экземпляр поинтересней.

И кажется, мне это удалось, когда стали подсчитывать очки. Мужское восхищение окутало меня целиком.

Да, мы сотворили невозможное, сыграв вничью. Девяносто пять против девяноста пяти.

Восторг и следом мурашки по телу, когда Сергей чуть приобнял за талию, большим пальцем погладил бедро через тонкую ткань летнего платья и хрипло шепнул на ухо:

– Предлагаю это дело отметить.

То, что речь идет не об ужине в ресторане, а о кое-чем бо-

лее интимном, догадалась моментально. Черти, пляшущие в голубой бездне, не оставили никаких сомнений, чего от меня хотят.

Возражать не подумала, заниматься глупостями и лишить нас обоих удовольствия не стала. Зачем?

И ни разу не пожалела, что оказалась настолько отчаянно смелой, поехав вместе с хищником в его берлогу.

Ночь безумия удалась.

Меня присваивали и порабощали.

Меня вылизывали и завладевали.

Сергей, будто ревущее пламя в сосуде, который вот-вот треснет и разлетится вдребезги, жадно сминал мои губы своим ртом, буквально вгрызался голодными поцелуями, вдыхал мне огонь в легкие и выжигал своей жадой обладания дотла.

Меня любили и боготворили.

Меня терзали и выпивали до дна.

Меня наполняли и возносили к звездам.

Ощущая себя песчинкой, бесконечно ловила разряды в двести двадцать, прокатывающие по телу, и таяла от возбуждения, сумасшедшего, скорее животного, чем человеческого, и позволяла голодному до моего тела маньяку закончить то, что он так качественно начал.

Уже тогда не верила, что ночь сладкого сумасшествия еще хоть раз повторится. Но уходя, ни о чем не жалела.

Глава 8

ОЛЬГА

– О-о-о, как я вовремя, – жизнерадостный щебет медсестры врывается в мысли, заставляя моргнуть, и мгновенно стирает кадры горячего прошлого, которые еще секунду назад мелькали перед внутренним взором.

Толкая бедром дверь, Рита входит в палату и вносит поднос, заставленный тарелками с едой и питьем, при этом внимательно смотрит в сторону капельницы.

Тоже скашиваю взгляд на штатив и вижу, что лекарство еще недавно наполнявшее пакет уже подходит к концу. Ничего себе, как я глубоко задумалась. Совершенно не заметила пролетевшее время.

Сколько, кстати прошло?

Ох, ничего себе. Сорок пять минут как в воду канули.

– Замечательно. У меня как раз тут все горяченькое. Сейчас вас освободим, и сможете поесть, – продолжает ворковать девушка, аккуратно сгружая поднос на стоящую рядом с кроватью тумбочку. – Как самочувствие, Ольга Леонидовна? Голова не кружится?

Прислушиваюсь к себе.

– Нет, не кружится. Всё нормально, – сообщаю уверенно и скашиваю взгляд в сторону пиалы с золотистым куриным бульоном, большим куском мяса и сухариками и стоящую

рядом тарелку с пышным омлетом.

Рот моментально наполняется слюной, а чуткий нос, несмотря на не до конца прошедшую простуду, улавливает аппетитный запах еды. Желудок, будто только этого и ждал, выдает громкую жалостливую руладу.

Ох, ну ничего себе, какая я, оказывается, голодная.

Обмениваемся с Ритой понимающими улыбками.

– Аппетит – это хорошо, Ольга Леонидовна. Значит, точно идете на поправку, – комментирует она потребности моего организма.

– Ну и отлично, – поддерживаю разговор, после чего прошу. – Рита, зовите меня просто Оля или Ольга. Без отчества. Мне так комфортней.

– Хорошо, Ольга, – соглашается медсестра без лишних слов и наклоняется, чтобы отсоединить капельницу. – Та-ак, ну вот, систему мы отключили, – комментирует попутно, – теперь давайте-ка помогу вам сесть поудобнее и, если сами не сможете, покормлю.

С первым мы медленно, больно, но верно справляемся вдвоем.

Держа в голове слова Ивана Степановича, что кожа на спине не лопнет не при каких обстоятельствах, даже если мне подобное чудится по ощущениям, сжимаю зубы и с чужой помощью медленно опускаю ноги с кровати, а после и принимаю сидячее положение.

С приемом пищи, слава богу, все обстоит легче. Недолго

думая, я просто прижимаю локоть рабочей руки к боку, тем самым ограничивая собственные возможности хоть как-то себе навредить, и не спеша ем самостоятельно.

Пока поглощаю пищу, медсестра делает какие-то пометки в карте, наводит порядок в палате и, ненадолго отлучившись, приносит мне стаканчик с несколькими разноцветными таблетками. Воду набирает из кулера, стоящего возле входной двери.

– Лекарство нужно будет принять сразу после еды. Это витамины для малыша.

– Хорошо, сделаю, – обещаю, непроизвольно улыбаясь, и свободной рукой накрываю низ живота, чтобы легонько его погладить.

Ради крошечки, зародившейся внутри меня, пережившей вместе со мной ад и не захотевшей покидать мое тело, когда я была слаба, как котенок, я сделаю все что угодно. Съем таблетки, выпью микстуры, прокапаю капельницы, поставлю уколы и пролежу всю беременность на сохранении пластом. Без проблем, любые условия, главное, чтобы беременность прошла хорошо, и я сохранила его или её.

– Рита, помогите мне встать, чтобы посетить санузел, – прошу некоторое время спустя, когда быстро насытившийся организм подает совершенно однозначные команды.

– Конечно. Давайте.

С виду худенькая, моя помощница оказывается очень сильной, ну или я очень слабой, потому что поднимает меня

на ноги она без труда. Некоторое время еще придерживает, пока вестибулярный аппарат после долгого горизонтального положения восстанавливается и даже после этого двигается рядом, страхуя.

Но, к моей радости, не держит.

Точнее, к моей радости, я могу передвигаться, на нее не опираясь. Слабость организма вымораживает. Пусть я и понимаю, что с момента, как пришла в себя, времени миновало не так уж много, хочу вновь поскорее стать полностью самостоятельной.

– Хотите я и там с вами побуду? – предлагает помощница совершенно серьезно, когда мы останавливаемся у нужной двери.

– Нет, спасибо, Рита, я справлюсь, – вкладываю в голос уверенность, которую действительно ощущаю.

Не привыкла перекладывать на чьи-то плечи заботу о себе. И даже чувствуя, что девушка от души готова быть полезной, не желаю ее лишний раз напрягать.

Неудобно.

Санузел положительно удивляет. Унитаз, биде, душевая кабина, широкая раковина, полотенца. Все сверкает белизной, как и мраморная плитка.

Справив естественные потребности, к умывальнику с зеркалом подхожу с некоторой долей страха.

Хочу видеть спину. Боюсь, но хочу. Ведь ощущать – это одно, обозревать – совершенно иное. И в данный момент

неведение пугает меня сильнее.

Опершись ладонями на белоснежную столешницу чаши, какое время трачу на разглядывание самой себя.

Всего неделя прошла, а я изменилась. Под глазами залегли темные круги, бледные щеки ввалились сильнее, резче обозначились скулы, губы потрескались. Про голову молчу. Волосы, заплетенные в косу, чтобы не мешаться, выглядят сальными и неухоженными.

Страшилка.

Прикусив губу и опустив голову, некоторое время рассматриваю забинтованные запястья обеих рук. Боже мой, незнающий человек легко подумает, что суицидница. Еще и пальцем ткнет.

Ох, ладно. Хватит тянуть время и думать о ерунде. Собравшись с духом, медленно оборачиваюсь.

Медицинская роба, фиксирующаяся за счет липучки на шее, прикрывает тело спереди, но не имеет задней части. Поэтому ничто не мешает моему взгляду оценивать ту хохлому, в которую превращена моя спина.

На ум приходят недавние слова Шаца, убеждавшие, что все на самом деле не так страшно, как я себе представляю, испытывая боль. Но прямо сейчас не могу с этим согласиться.

Красные рубцы. Синие гематомы. Зеленка. Пластыри, прикрывающие зашитые разрывы кожной ткани.

Жутко. Всхлип рождается глубоко внутри и вырывается

помимо воли. Но сжав зубы, быстро заставляю себя успокоиться.

Стоп! Мне нельзя нервничать.

Нельзя.

Ради малыша.

Ради себя и собственного выздоровления.

Ради того, чтобы твари, сделавшие со мной это, никогда не могли подумать, что меня сломали и чего-то добились.

Нет. Не сломали. Не добились.

К дьяволу их! Они сдохнут. А я выживу. И буду счастлива.

Я сильная. Я со всем справлюсь. И спина у меня заживет.

А рубцы.

А рубцы пусть. Может, со временем что-нибудь придумаю. А если нет, то тоже не велика потеря. Подумаешь, в открытых купальниках больше ходить не смогу, да и мужчине будет неприятно на такую меня сзади смотреть...

Значит, пусть не смотрит. Сдался мне тот мужчина. Обрываю заполошные мысли, делая глубокие вдохи и выдохи.

Господи, вот зачем я вообще о последнем думаю?

Вновь повернувшись к раковине, некоторое время держу руки под проточной водой, успокаиваясь и отпуская все дурное из мыслей, а затем направляюсь на выход. Голову немного ведет, поэтому иду, придерживаясь за стену, а распахнув дверь, решаю не рисковать и обращаюсь к медсестре:

– Рита, кажется, я немного переусердствовала. Поможете мне дойти до кровати?

– Я помогу.

Резко поворачиваю голову в сторону окна и встречаюсь с голубыми глазами, которые уже сегодня видела. Видела в собственных грезах.

– Сергей?

К счастью рука, которой опираюсь на стену, не дергается и не создает катастрофу с падением. Ноги действительно дрожат от усталости. И воздух, к счастью, поперек горла не застревает. Разве что сердце чуть-чуть сбивается с ритма и слегка теплеют щеки.

Но все это не столь страшно. Все-таки недоумение оправданно.

Откуда он здесь?

Ничего не понимаю.

Но как бы меня не шокировало неожиданное появление мужчины, помощь его принимаю с благодарностью. Безопасность моего малыша на первом месте.

Глава 9

ОЛЬГА

– Здравствуй, Оля, – голос Платонова звучит ровно.

Внешне он тоже спокоен. Или очень натурально создает видимость, что для него вполне естественно. С его должностью и статусом невозмутимость – первостепенная надобность. Заместитель начальника уголовного розыска, подполковник, а не какой-то там хухры-мухры.

Попробуй-ка в таком высоком чине выказать лишние эмоции, когда постоянно на виду и имеешь дело с бандитами и преступниками высокого ранга. Да они тут же сочтут их за слабость и накинута, желая сожрать. Поэтому неудивительно, что покер-фейс – его всё. Въевшаяся с годами привычка.

И всё же странно видеть подобное спокойствие у того, кто еще недавно фонтанировал чувствами. Улыбался, хохмил, подкалывал. А уж как в постели себя вел...

Ну да, тогда, в нашу единственную случайную ночь, он не знал, кто я такая. Был самым собой, без купюр. И явно не рассчитывал на новую встречу.

Судьба распорядилась иначе. Свела вновь. И по всему выходит, что мой случайный любовник от этого нежданчика не в восторге.

Еще бы, наличие невесты и его недавнюю помолвку никто не отменял.

А тут я. Не только подруга его сестренки Ирины, не только та, кто вместе с ней был похищен и находился в плену, но и яркое напоминание об измене.

А может, и не яркое. Может, он уже обо всем забыл. И сейчас будет требовать, чтобы и я тоже забыла, ни на что не рассчитывала и никоим образом не напоминала о произошедшем. И, главное, никому об этом не рассказывала.

Может такое быть?

Да, вполне вероятно.

Как же всё запуталось, боже ты мой.

Были бы силы и соответствующее настроение, обязательно поразмышляла бы над всем этим подольше. Но, к сожалению или к счастью, усталость одолевает все сильнее, организм с каждой минутой, что остаюсь на ногах, слабнет все больше и желание разгадывать шарады и тайные помыслы мужчины, по странному стечению обстоятельств оказавшемся в эту минуту в моей палате, испаряется как влага под солнцем.

Не до того пока...

Дожидаюсь, когда Платонов приблизится, и без зазрения совести опираюсь на подставленное им крепкое плечо. Что бы Сергей не испытывал по отношению ко мне, как бы не злился на ситуацию, уверена, что вреда сию минуту не причинит. Поможет.

Так и происходит. Мужские руки бережно, но надежно обхватывают меня за бока в районе талии, придерживают, что-

бы не оступилась, и предусмотрительно не касаются поврежденных участков тела.

Мысленно благодарю его за заботу и всё же не удерживаюсь от комментария, когда удается перехватить темнеющий взгляд, направленный на раненную спину.

– Жуткое зрелище, – произношу с усмешкой. – Лучше не смотреть.

Я не ищу его жалости, не хочу ее видеть во вдруг оживших глазах. Поэтому, опускаясь на кровать, сажусь чуть боком и отклоняюсь назад.

Зачем лишний раз светить уродством? Впрочем, от той красивой меня, которую он лицезрел в тире семь недель назад, мало что осталось, как не повернись.

– Всё заживет, Оля, – голос Сергея звучит ровно, но я успеваю заметить, как сильно в этот момент сжимаются его кулаки.

Злится. Зато не жалеет. И это к лучшему.

– Конечно. Я тоже так думаю, – соглашаюсь, не собираюсь развивать неприятную тему, и интересуюсь тем, что действительно важно. – А ты здесь что делаешь?

– Пришел поговорить.

Ответ звучит без пауз, будто мой вопрос не требует размышлений. А его появление в моей палате – самое естественное, что может происходить.

Поговорить...

Повторяю про себя его слова и киваю.

Что ж, в принципе, логично. Наше с Митиной похищение и плен – есть уголовное преступление. И Платонов точно не мог остаться в стороне. Ни как уполномоченное должностное лицо, курирующее подобные нарушения закона. И уж точно ни как брат, любящий двоюродную сестру сильнее, чем некоторые любят родных.

Глупо даже думать, что Сергей мог спихнуть расследование на подчиненных и самоустраниться. Нет. Он – точно не мог.

Даже мало его зная, понимаю, что этот мужчина ни перед чем не остановится, когда задето его личное. Землю носом рыть будет, если потребуется, но найдет всех мудаков до единого, кто причастен к жестокому обращению с его обожаемой родственницей. Найдет и накажет.

– Тебе нужны показания, – прихожу к выводу, наконец, складывая два плюс два, и заметно успокаиваюсь.

Его появление напрямую связано с расследованием, а не со мной, как таковой, и моим интересным положением. Да и откуда бы он мог узнать то, про что я сама узнала чуть больше часа назад?

Нет. Не мог. Это невозможно.

Поэтому прочь волнения и...

– Нет, Оля. Я здесь не поэтому, – рушит мои идеальные доводы Платонов. – Хотя об Аль Мади и его псах, которые тебя держали в плену, мы тоже обязательно поговорим.

Не поэтому...

В горле пересыхает. Неосознанно размыкаю губы, делая вдох через рот, и уточняю сипло, ощущая прокатывающуюся по телу дрожь:

– А почему тогда?

– Ты беременна.

Утверждение. Не вопрос.

Платонов стоит на том же месте, где стоял, – в двух шагах от меня, – но складывается ощущение, будто он приближается вплотную и надо мной нависает.

Что удивительно, безразличия и пустоты на его лице больше нет.

Голубые глаза сужены в щелки. Бицепсы, трицепсы и другие стальные выпуклости напряжены. Не мужик, а бронепоезд без тормозов. Того гляди раздавит. Пусть не собой самим, так мощной аурой, которая бетонной плитой в больничную койку вжимает.

– Да, врач мне только что об этом сообщил, – выталкиваю слова охрипшим горлом.

Не вижу смысла скрывать правду. Да и не собиралась изначально. Лишь думала повременить хоть пару дней, чтобы чуть-чуть оклематься. А уж потом говорить.

Но раз вышло иначе, и Сергей уже в курсе, что наша единственная ночь имела последствия, то и ладно. У него есть право знать. Как у будущего отца.

Впрочем, у него также есть право отказаться от почетной роли папы и от того, кого я ношу под сердцем. Да, он имеет

право самоустраниться, ведь не планировал этого ребенка. Он его не хотел. Он даже не собирался хотя бы еще раз со мной встречаться.

Я отлично помню его последние слова, сказанные перед тем, как он закрыл за мной дверь.

А у меня нет никаких прав на него обижаться.

– То есть... ты не знала?

Новый вопрос удивляет, но я даю на него ответ.

– Нет. Не знала.

– И что делать собираешься?

Смотрю в упор и не моргаю.

А если он сейчас скажет, что я должна прервать беременность? Если станет настаивать или того хуже – требовать?

Кто знает, что там у него за невеста? Может, принципиальная и иначе создаст ему проблемы, не выйдет за него замуж. А он ее так любит, что пойдет на всё.

Или Платонова самого переключит, что он не хочет иметь со мной ничего общего, что я не подхожу на роль той, кому положено воспитывать его ребенка? Что я стану его шантажировать, когда рожу? Да и вообще отпрыски на стороне – моветон.

Да мало ли что ему взбредёт в голову, чтобы лишить меня моего сокровища...

Нет... не поддамся ни на какие уговоры, угрозы, ультиматумы. Скорее, сама создам такие проблемы, что мало не покажется. Всё сделаю, чтобы только от меня отстали.

Накрутив себя до покаяния в груди, складываю руки на животе, задираю подбородок и произношу так, будто меня уже толкают на что-то гнусное:

– В перспективе – рожать, а на данном этапе отстреливать всех желающих предложить мне аборт.

– Отстреливать, значит? – двигает челюстью Платонов, явно вспоминая наше знакомство в тире и мои девять из десяти попаданий «в яблочко».

– Да, – киваю серьезно. – Уверена, не промахнусь.

От напряжения уже потряхивает. А еще от бурной фантазии, которая, не жалея, подкидывает мне варианты развития событий, одно страшнее другого.

Жду, что Сергей рассмеется. Назовет наивной дурочкой, которую он одним пальцем легко прищелкнет, если захочет. Но ошибаюсь.

Мужчина всего лишь хмыкает и четко произносит:

– Пожалуй, я тоже уверен.

=====

 История про девушку в беде "Немая девочка" <https://litnet.com/shrt/9m2k>
 Двоюродная сестра безжалостно меня подставила. Отправила в руки человека, доведенного до предела, а затем лишь посмеялась: "Подумаешь, девственности лишилась. Не такая уж большая потеря. Зато теперь, когда ты беременная, мы его на колени поставим ..."

Глава 10

ОЛЬГА

– Ты еще о чем-то хотел поговорить? – спрашиваю, когда тишина в палате становится невыносимой, а нечитаемый взгляд Платонова, кажется, просверливает меня насквозь.

Господи, он так пристально смотрит, будто в черепную коробку пробраться планирует и увидеть все мои грехи бывшие и будущие. А после непременно разобрать их на составляющие и вынести приговор. Виновна или нет. Достойна или не совсем.

С одной стороны, отлично его понимаю. Новость о беременности для него шокирующая. С другой, все мы взрослые люди и то, что осечки бывают даже у презервативов, должны понимать.

– Да, – соглашается мужчина, продолжая сканирование голубыми лазерами. – Но сначала ответь, как ты себя чувствуешь? Может, врача позвать? Или помочь прилечь?

Чувствую я себя откровенно неважно, для первого раза после трехдневного беспробудного сна – активности более чем достаточно, но при этом отчетливо понимаю: если мы не поговорим сейчас, не озвучим друг другу основные моменты, беспокоящие нас обоих, я себя позже в одиночестве так накручу, что мама не горюй.

Нет уж, щадящий вариант мне больше подходит. Поэтому

– разговор. И никак иначе.

– Очень устала, – признаюсь, не собираюсь строить из себя супергероиню, которой не являюсь. – Но это нормально в сложившейся ситуации, не волнуйся. Шац, мой лечащий доктор, меня сегодня уже осматривал и сказал, что силы будут прибывать постепенно. Слишком большой стресс получил организм. На восстановление нужно время.

– Время... понял.

Серьезно кивает Сергей. И я, как китайский болванчик, повторяю за ним этот жест. Вот же... аура властности, будь она неладна.

– Может, тогда все-таки ляжешь?

Новое предложение Платонова тоже встречаю отказом.

– Нет. Позже. Еще немного посижу, – качаю головой, перехватывая его взгляд, направленный на ту самую огромную подушку, и прежде, чем он вновь что-нибудь надумает, прошу. – Налей мне, пожалуйста, морса. Графин на столе.

– Конечно. Сейчас сделаю.

Мой гость разворачивается, чтобы выполнить просьбу, а я беззвучно выдыхаю. Без давящего внимания становится заметно легче.

Странное дело, но, отлично понимая, кто находится передо мной, чувствую себя не в своей тарелке. Будто в закрытом помещении наедине с чужаком сижу, а не с мужчиной, который дарил удовольствие всю ночь и заделал мне ребенка.

– Держи.

Вернувшись, Платонов подает мне наполненный на две трети стакан и не отходит, освобождая личное пространство, а остается рядом. При этом внимательно смотрит, как я пью глоток за глотком, а затем так же молча забирает опустевшую посуду.

– Достаточно или еще?

– Нет, больше не нужно, спасибо, – благодарю и решаю начать разговор первой. – Сергей, давай я сразу обозначу ключевые моменты, чтобы облегчить нам обоим понимание ситуации и сэкономить время.

Не люблю ходить вокруг да около. К тому же, уверена, у такого высокопоставленного лица масса куда более важных дел и необходимость присутствовать в сотне мест одновременно, вместо того чтобы терять время здесь. Да и мне, честно говоря, хотелось бы поскорее остаться одной.

– Я тебя слушаю, Оля. Говори, – дает добро Платонов, отходя к окну и опираясь тем, что пониже спины, на подоконник.

Делаю мысленную пометку, что кое-кто тоже предпочитает конструктив. Знакомый метод действий.

– Тогда начну по порядку, – дергаю губы в подобии улыбки и сосредотачиваю внимание на противоположной от себя стене. Так мне легче не сбиваться, а это сейчас главное. – Первое, наша встреча в тире была случайной, чтобы бы ты себе не надумывал.

– Я и не...

Поднимаю ладошку, прося тишины. Потом скажет всё, что почитает нужным, сейчас же моя очередь.

– Второе, на момент знакомства, Сережа, я не знала, кто ты такой. Но вскоре это изменилось.

– Когда именно? – от настойчивого внимания по коже бегают мурашки.

Хмыкаю, по-прежнему сверля взглядом стену.

– Утром.

– Как?

– Коробка из магазина интимных товаров. Помнишь, упала?

– Да.

– Я ее узнала. Скажу больше. Это я подбила твою сестру на подобный подарок. Я помогла выбрать ей сюрприз брату на его помолвку, – признаюсь, открыто улыбаясь. И, как могу, объясняю причину. – Ирина никогда не называла твоего имени, тем более фамилии. Был просто абстрактный брат. Обожаемый и горячо любимый. Тот, у которого практически все есть, и кого мало чем можно удивить. Но моей подруге очень хотелось. И я решила ей помочь. На этом всё.

– Абстрактный, значит?

Вопрос звучит ровно, так ровно, что придраться не к чему. Странно, а мне бы хотелось. Но испытываемое желание, собственный ответ тоже эмоционально нейтрален.

– Совершенно верно.

– Ясно, – выдает мой собеседник.

Киваю, принимая его слова к сведению.

Вот и прекрасно, раз ясно.

– Третье, – продолжаю, на единой ноте, – поняв на утро, кто ты есть такой, я посчитала невозможным наше дальнейшее общение. Ни в каком виде.

«Мне чужого не надо», – добавляю мысленно. Вслух не хочу, слишком пафосно фраза звучит. Да и роли особой не играет.

Выглядеть чопорной правильной дамой теперь нет никакого смысла. Пусть из нас двоих в отношениях на тот момент состоял именно Платонов, а не я, по факту в измене жениха мы участвовали оба. И это неприятный факт, как ни крути.

– Четвертое, – продолжаю без паузы, – последствия нашей ночи для меня тоже стали сюрпризом. В свою защиту хочу заметить, что средства защиты, а именно презервативы, были твои, и обвинить меня в том, что я их как-то испортила, дабы тебя подловить, ты не можешь.

– Что? Ты о чем? – Платонов не скрывает удивления.

– О девяноста восьми процентах надежности контрацептивов, которые именно на нас дали сбой.

– Погоди-ка... ты намекаешь, что я...

– Я просто проговариваю *все* моменты, – перебиваю, выделяя голосом основное слово, и только теперь на пару мгновений прячу глаза за ресницами, давая себе передышку.

Господи, может, меня действительно несет не в ту степь,

но я хочу обговорить все от и до, чтобы он однозначно понял – я не пыталась поймать его на живот. Ни в коем случае. Нет.

– Оля...

– Подожди, Сереж, – вновь поднимаю ладонь, прося тишины, – у меня остался последний пункт.

Встречаюсь с ним взглядом и не отвожу.

«Пожалуйста», – уговариваю мысленно.

И он сдается.

– Хорошо, – произносит, делает паузу и добавляет. – Говори.

Киваю, тем самым выражая благодарность, и спешу озвучить самое важное:

– У меня отрицательный резус-фактор. Аборт – практически приговор. И я на него не пойду, даже если станешь угрожать и тянуть силком. Ты можешь не верить, но беременность для меня чудо. Особенно после всего, что довелось пережить. А малыш, которого я ношу, – оставляю на кровати для опоры лишь одну руку, а второй накрываю плоский живот, – уже любимый малыш. Я от него не откажусь. Ни за что. И всячески буду защищать ото всего и ото всех.

– А если я буду против? – приподнимает темную бровь Платонов. – Ты же в курсе, что я состою в отношениях.

– Да в курсе, – киваю, стараясь говорить ровно, не выдавая паники. – Это твое право. Строить отношения. Жениться. Я никоим образом на тебя не претендую. Меня волнует только ребенок.

– А как же финансовая составляющая? – прищуривает голубые лазеры.

Не отвожу взгляд. Пусть видит, что я не лгу и ничего не утаиваю.

– Я справлюсь, не переживай. И никогда не буду претендовать на что-то твое. Скажу больше, чтобы успокоить тебя и твою будущую жену я предлагаю написать тебе расписку, что не имею никаких претензий, как к мужчине, от которого жду ребенка. Я даже обещаю заверить ее нотариально. А когда мой сын или дочь родится, а расписка превратится в филькину грамоту, я, чтобы тебя полностью обезопасить, составлю с тобой соглашение, где пропишу, что ежемесячные алименты на ребенка будут составлять, допустим, сто рублей в месяц до достижения им восемнадцати лет. Так ты точно будешь знать, что я ни на что не претендую и в один прекрасный момент не приду в твой дом и не потребую чего-то невозможного.

Замолкаю, озвучив самое сложное, но теперь и Сергей не спешит подавать голос. Наклонив голову, он некоторое время отстраненно сверлит пол, явно что-то просчитывая, затем поднимает взгляд на меня:

– Признаться, твои умозаключения, Оля, меня пугают, – произносит он, не сдерживая смешка и не спеша говорить ни да, ни нет на мое предложение. – Скажи-ка, когда ты успела так детально все продумать, если узнала о беременности лишь пару часов назад?

Пожимаю плечами и моментально кривлюсь от прострелившей спину боли. Забылась, увлекшись разговором, вот и получаю отдачу.

– Я – юрист, Сергей. Думать – моя работа, – произношу на выдохе. А затем, как в омут головой бросаюсь. – Можешь ставить мне любые условия кроме аборта. На него я не пойду. На остальное согласна.

Повторяю уже ранее озвученное.

– Я тебя услышал, – кивает он в ответ и, оттолкнувшись от подоконника, начинает приближаться. – Так, Оль, на сегодня давай закончим. Ты очень устала, и не спорь. Сейчас я помогу тебе лечь. Завтра приду после обеда, и мы продолжим.

– То есть, ты озвучишь ответ завтра? – признаться ожидание пугает меня сильнее, чем то, как откровенно и запросто касается меня мужчина, помогая вытянуться на постели.

– Нет, завтра мы обсудим детали. О том, что я не стану настаивать на аборте, говорю сейчас. Тебе противопоказано нервничать, и я с этим полностью согласен.

В порыве благодарности, тянусь к его ладони, которую он не успевает убрать, и, перехватив, пожимаю.

– Спасибо, Сереж, – сиплю, стараясь не заплакать на эмоциях.

– Не за что, Оль, отдыхай, – мою ладонь аккуратно пожимают в ответ, и виска всего на мгновение касаются сухие горячие губы.

Глава 11

СЕРГЕЙ

На улицу выхожу с четким желанием размозжить тупые головы всех, кто был причастен к похищению и издевательствам над девчонками. Достать каждую падаль и научить тому, что женщин обижать нельзя.

Колотит не по-детски. Кулаки чешутся, жечь.

Одна беда, проучивать уже некого. Всех положили еще в день налета. Целенаправленно, без раздумий, без жалости и желания посадить мразей на скамью подсудимых.

Что бы их там ждало? В суде этом? Общественное порицание? Несколько лет колонии, а потом свобода? Лайтовая жизнь без ночных кошмаров и сладкие воспоминания, как издевались над незащитными девочками?

Нет уж! К чертям такую справедливость. Собакам собачья смерть.

Ни одна падаль не ушла от наказания. Все до единого сдохли. Погибли при задержании, как я отразил в отчете.

И ни один боец из спецподразделения, кто присутствовал при штурме заброшенного предприятия и освобождении заложников, не сказал слова против, не сделал попытки заступиться за шакалов и после не написал рапорт на мое самоуправство.

Поддержали молча, как умеют бывалые. Выразив это

лишь глазами и жестом.

Уверен, в тот момент каждый представлял на месте Ирины, Ольги и третьей идиотки, попавшей под раздачу благодаря собственной тупости, своих родных и близких – сестер, подруг, дочерей. Видел в измученных голодом и жаждой, избитых и истерзанных девочках собственное бессилие перед суровыми обстоятельствами, которые порой играют против тебя. Когда думаешь, что сумел защитить самое ценное всеми доступными способами, а в итоге всё равно облажался. Безбашенный враг оказался хитрее и нашел лазейку как совершить свое бесчинство.

И кто знает, оставь эту тварь жить на земле дальше, не придет ли она снова? Уже за твоими близкими... и не сделает ли с ними что-то еще более кошмарное...

Нет. Мне повторения этой херни совсем не нужно. Ни в каком виде.

Достаточно того, что сестренка пострадала морально. Ее, слава богу, физически не тронули, но эмоционально почти сломали. Теперь Иришка плотно работает с психологом.

Зато Ольге досталось жестко. Стоит хоть на секунду прикрыть глаза – и я снова и снова вижу худенькое измученное тело, которое держал на руках, вытаскивая из заброшки, и не ощущал при этом ее веса, вижу исполосованную спину, рваные раны, разодранные в кровь запястья, потрескавшиеся и покрытые коркой губы.

Один сплошной комок боли. И ты ничем не можешь по-

мочь.

Дьявол! Колотит от бессилия... что тогда, что сейчас.

Но сейчас даже больше, потому что на старые воспоминания накладываются новые вводные, и мозг просто в астрал от злости выносит.

Несколько дней назад, доставив находящуюся без сознания Олю в клинику, я был шокирован, узнав, что она беременна. Услышав про срок, понял, что предположительно от меня. Теперь же я это знаю точно.

Хватило одного разговора и умения считывать людей, которое давно стало частью моей сущности. Иначе в моем жестоком мире долго не протянешь. Сольют или разыграют, как глупую пешку, за нефиг делать. И то, и другое мне нахрен не упало.

Но это все лирика.

Главное в ином. Беременную моим ребенком женщину обижали и прессовали. Но она – боец и умница, выстояла, как и наш ребенок, который, чувствуя мать и ее настрой, тоже захотел жить.

Да уж, оба они – бойцы. Гнущиеся под обстоятельствами, но не ломающиеся. Умеющие показывать зубки и переть против всех и вся.

А сегодня Олька просто добила, потому что попыталась выстоять против меня. Будто я стал главным злодеем, желающим нанести ей новый удар – отнять то, что она уже безоговорочно приняла, полюбила и считает своим.

Пи..дец!

Вот уж никогда не думал, что попаду в такой переплет. Буду доказывать, что не мразь, и охреневать от веских доводов, которыми закидает едва-едва пришедшая в себя будущая мать моего первенца и по совместительству настоящая львица.

Хотя стоит отдать Сорокиной должное, кое-какие дельные мысли она всё же подкинула. И я непременно их проверю.

Теперь это дело чести.

Шумно выдохнув, провожу пятерней по волосам и с силой вдавливаю подушки пальцев с короткими ногтями в кожу головы. Хочется вытряхнуть из нее бессильную злобу на дурацкие обстоятельства и сосредоточиться на важном.

А это, прежде всего, безопасность Ольги и ребенка.

То, что меня выпустили из-под стражи, сняв обвинения во взяточничестве, что в общем-то было хорошо спланированной частью масштабной операции по раскрытию преступной группировки на самом высоком уровне, еще не говорит о том, что дело моего будущего тестя Бестужева до конца закрыто.

Нет. Это не так.

Да что там... совершенно не так. Процесс запущен, но финал еще далеко.

Николай Павлович, конечно, сдал своих поднебесных хозяев, и братец его теперь из-под стражи не выйдет, а долго будет чалиться на нарах, забыв об УДО, как о несбыточной

мечте, но не стоит обесценивать возможности тех, кто пока еще так и находится на свободе.

Дружков у отца Маруси, моей навязанной обстоятельствами невесты, хватает. Так же, как и прихлебателей, готовых ради серебряных целковых продать и маму, и папу, и родину, а уж совершить преступление и подавно.

Рисковать дорогими мне людьми я не готов. Поэтому мать уже второй месяц гостит в Карелии у бывшего коллеги, а теперь уже ее ухажера Олисова Игоря Олеговича. За сестренкой Ириной приглядывает ее жених Михаил Самков.

И в общем-то других слабых мест до недавнего времени у меня не было, что при хреновом раскладе просто прекрасно.

Но Сорокина и ее беременность внесли коррективы. И с этим теперь придется считаться.

Достав сотовый, который ставил на беззвучный, чтобы никто не отвлекал от важного разговора при посещении клиники, проверяю пропущенные. Пара вызовов из приемной от Инги Норкиной, еще по одному от Михи Самкова и от Ромки Степнова, начальника убойного, и шесть от Маруси.

Дорогую невесту оставляю на опосля и первым делом набираю жениха сестренки.

– Как у вас дела, Миш? – уточняю после краткого обмена любезностями.

– Как обычно, – слышу привычное фырканье друга. – Ириша рвется в бой. Не успела моя неугомонная прелесть выписаться с больничного, как подавай ей работу. Так что

имей ввиду, она будет участвовать в процессе вместе со мной. Уж лучше пусть обитает в шаговой доступности, чем носится фиг знает где. И так ее охрану затюкал, контролируя. Они от меня уже шарахаются.

– Ничего, им полезно, – не спешу сочувствовать парням из службы безопасности. – Что там у нас по документам?

Имею ввиду дело Бестужева, в котором Самков, как мой адвокат, тоже глубоко завязан.

– Разгребаем. Ты же сам видел, там столько намешано, что черт ногу сломит, – становится серьезным Самков.

– Окей. Что-то интересное найдете, сразу давайте знать. Без задержек.

– Принято, – соглашается Миха и без паузы переключается на другое. – Серый, ты нахрена у Шаца в клинике шороху навел?

– Чтобы их служба безопасности тоже не просто так хлеб ела, – отбрываю наезд, не проникаясь стыдом. – Пусть тщательнее охраняют пациентов, а не пускают внутрь всех, кого не попадя. Сам знаешь, я не могу выставить своих людей для защиты Ольги. Это привлечет ненужное внимание. Что в первую очередь может быть опасно для нее же. Уже радость, что мы сумели скрыть от СМИ операцию по их спасению, иначе эти болтуны такого бы раздули, мама не горюй. И так в последнее время задрали своей активностью. А Оле и ребенку нужны покой и тишина.

– Как она? Может, что надо?

И вновь бледное лицо с уставшим взглядом возникает перед глазами. Уставшим, но горящим решимостью и силой воли.

– Хреново она, Мих. Но это внешне. А внутренне – крепень. Девочка под стать моей сестренке и твоей невесте. Незря ж они – подруги, – не скрываю усмешки, припоминая, как мелкая обещала надрать мне задницу, если я ее Ольку обижу. – Нет, пока ничего не надо. Шац сказал, все необходимое в клинике есть, – отвечаю на второй вопрос. – И да, Мих, еще. Гольдману спасибо передай. Я благодарен, что он взял на себя оплату счетов клиники.

– Уже пробил, – утвердительно замечает мой будущий родственник.

– А то как же, – не остаюсь в долгу, поддерживая беззаботный тон, но уже в следующее мгновение вновь становлюсь серьезным. – То, что по документам фигурирует не моя фамилия, очень хорошо. Допзащита не мешает, если кто-то решит копнуть. Но деньги я ему все верну. Не обсуждается. Лечение матери моего ребенка – моя обязанность.

– Хорошо. Я ему передам. Но, Серег, без обид. Берт от души помогал. Девочка же действительно под раздачу попала по случайности. А вот его самого, как и Савранского, вопрос косвенно касался.

– Не важно, – отмахиваюсь, не собираясь отступать от намеченного. – Я все сказал. Возьмешь реквизиты, я сделаю перевод.

– Лады.

Самков не спорит и, уточнив еще парочку вопросов, прощается.

Дальше я созваниваюсь с начальником убойного, разговор занимает меньше минуты. Степнов – мужик умный, понимает все с полуслова.

Уже в машине набираю Норкину. Секретарша коротко зачитывает сводку и докладывает о назначенном через два часа совещании у главного. Подтверждаю присутствие и, уже трогаясь с места, раздумываю над звонком невесте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.